Научная статья
УДК 140.8:177.3
https://doi.org/10.24158/fik.2024.6.4

Исторические подходы к исследованию лжи и их трансформация в культуре

Ирина Михайловна Лаврухина[1], Татьяна Николаевна Воронцова[2]
[1]Азово-Черноморский инженерный институт − филиал Донского государственного аграрного университета в г. Зернограде, Зерноград, Россия, Lavruhina_i@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-7631-7667
[2]Донской государственный аграрный университет, Персиановка, Россия, vorontsovatn@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1389-9583

Аннотация. В статье анализируется процесс осмысления понятия лжи в истории культуры. Актуальность работы обусловлена очевидной трансформацией содержания данного понятия со временем, изменением его семантического объема и статуса в разных областях знания. На основе анализа историко-философского материала и современной отечественной литературы выделены исторически сформировавшиеся подходы к интерпретации лжи: религиозный, онтологический, гносеологический, этический, аксиологический, инструментальный, культурологический и психологический. В религиозном подходе абсолютной истиной выступает Бог, ложь происходит от дьявола и является феноменом мира дольнего. В онтологическом подходе она считается принадлежностью вещного пространства. В гносеологическом – ложь не связана с человеком, обозначает несоответствие знания действительности и является ипостасью истины. Этический подход связывает последнюю с долгом, а ложь – с нарушением прав людей и внутреннего нравственного императива. В культурологическом, аксиологическом и инструментальном подходах данный феномен трактуется как утилитарная ценность, обеспечивающая реализацию коммуникативных потребностей и достижение культурологических целей. Психологический подход ложь связывает с межличностным общением людей и волевым действием человека. Показана историческая обусловленность и взаимосвязь выделенных подходов.

Ключевые слова: ложь, истина, обман, интерпретация понятия, религиозный подход, онтологический подход, гносеологический подход, этический подход, аксиологический подход, культурологический подход, психологический подход

Финансирование: инициативная работа.

Для цитирования: Лаврухина И.М., Воронцова Т.Н. Исторические подходы к исследованию лжи и их трансформация в культуре // Общество: философия, история, культура. 2024. № 6. С. 35–42. https://doi.org/10.24158/fik.2024.6.4.

Original article

Historical Approaches to the Study of Lies and Their Transformation in Culture

Irina M. Lavrukhina[1], Tatyana N. Vorontsova[2]
[1]Azov-Black Sea Engineering Institute – Branch of Don State Agrarian University in Zernograd, Zernograd, Russia, Lavruhina_i@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-7631-7667
[2]Don State Agrarian University, Persianovsky village, Russia, vorontsovatn@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1389-9583

Abstract. The article analyzes the process of understanding the concept of lies in the history of culture. The relevance of the problem is due to the obvious transformation of the content of the concept over time, changes in the semantic volume and status of lies in different fields of knowledge. Based on the analysis of historical and philosophical material and modern domestic literature, historically formed approaches to the interpretation of the concept of lie are identified. Such approaches include religious, ontological, epistemological, ethical, axiological, instrumental, cultural and psychological approaches to the interpretation of lies. In the religious approach, God is the absolute truth; lies come from the devil and are a phenomenon of the lower world. In the ontological approach, lies are presented as a phenomenon in the world of things. In the epistemological approach, lying is not associated with a person; denotes the discrepancy between knowledge and reality and is a hypostasis of truth. The ethical approach connects truth with duty, and lies with violation of people's rights and internal moral imperative (Kant). In cultural, axiological and instrumental approaches, lies are interpreted as a utilitarian value that ensures the realization of communicative needs and the achievement of cultural goals. The psychological approach associates lies with interpersonal communication between people and the volitional action of a person. The historical conditionality and interrelation of the selected approaches is shown. By tracing the evolution of approaches to studying lying, from religious condemnation to psychological inquiry, the article contributes to a deeper understanding of human behavior and societal norms.

© Лаврухина И.М., Воронцова Т.Н., 2024

Keywords: lie, truth, deception, interpretation of the concept, religious approach, ontological approach, epistemological approach, ethical approach, axiological approach, cultural approach, psychological approach
Funding: Independent work.
For citation: Lavrukhina, I.M. & Vorontsova, T.N. (2024) Historical Approaches to the Study of Lies and Their Transformation in Culture. *Society: Philosophy, History, Culture*. (6), 35–42. Available from: doi:10.24158/fik.2024.6.4 (In Russian).

Чтобы адекватно отобразить многомерность человеческого существования, противоречивость отношений, в которые включен индивид, нужно признать динамический характер человеческих ценностей и понятий, возможность их трансформации и содержательной перезагрузки. Ложь относится к понятиям, которые широко используются в науке и повседневной жизни, что приводит к размыванию их содержания. Употребление синонимов также не способствует удержанию семантических границ. В этой связи актуальность анализа понятия, направлений трансформации его содержания в истории, изменения семантического объема и статуса лжи в разных областях знания представляется очевидной.

Отметим, что в нашей статье понятия обмана и лжи используются как синонимы. Мы не проводим существенных семантических различий между ними, которые, безусловно, есть, хотя бы потому, что понятие обмана шире. Этот аспект рассмотрения проблемы выходит за пределы поставленной нами цели исследования.

Понятие «ложь» в отечественной философской литературе до недавнего времени анализировалось, как правило, преимущественно в гносеологическом аспекте в связи с истиной. В отличие от заблуждения, неизменного спутника последней, ложь понималась как ее преднамеренное искажение.

В последние годы контекст использования этого понятия значительно расширился. Ложь стала рассматриваться во многих аспектах: от теоретико-познавательного до политического и геополитического. Феномен анализируется такими науками, как психология, социология, педагогика, лингвистика, политология (Александров, 2003), юриспруденция, криминалистика (Фрай, 2006) и т.д. Однако, несмотря на распространенность лжи во всех сферах жизни общества, она довольно редко становится предметом самостоятельного анализа.

Работ, посвященных интересующей нас тематике, немного. В большей степени ложь исследовалась как психологический феномен межличностного общения, что было обусловлено, по мнению ученых, утратой искренности в коммуникации между людьми, манипуляциями массовым и индивидуальным сознанием. Соответственно, были выявлены типичные формы лжи, охарактеризовано поведение и психологическое состояние лгущего человека, причины и мотивация, функции лжи в общении, ее диагностика (опросник И.П. Шкуратовой), отношение ко лжи в разные возрастные периоды (Гусева, 2014; Знаков, 1993; Симоненко, 1998). Предпринимались попытки рассмотрения феномена в онтологическом аспекте (Секацкий, 2000).

Сегодня можно утверждать, что появилась необходимость именно в теоретической реконструкции понятия лжи; рассмотрении его «в широком философском плане, включающем анализ в таких “измерениях”, как онтологическое, гносеологическое, аксиологическое и праксеологическое» (Дубровский, 2010: 13–14).

Исторический опыт свидетельствует, что за все время существования человека не было известно ни одной культуры, свободной от полагания лжи в той или иной ее форме («злонамеренный» обман, «ложь из человеколюбия», ложь «во имя спасения», «несвоевременная» правда). Можно сказать, что обман составляет «атрибутивную черту человеческой цивилизации»; «нет такого вида социальной деятельности, где бы он не встречался и где бы он не играл существенную функциональную роль» (Дубровский, 2010: 12, 44); «обман окружающих людей является неотъемлемой составляющей повседневных социальных взаимодействий» (Фрай, 2006: 11).

Приходится признать, что культуры нуждаются во лжи и создают условия для ее укоренения. В основе этого процесса можно выделить следующие элементы: «(1) пресоциально укорененная охотничья хитрость; (2) процессы конкуренции культур и субкультур; (3) изменчивость норм и ценностные дезориентации; (4) общекультурная тенденция контроля над эмоциями; (5) экзистенциальные практики личного мифа и глубинного дистанцирования» (Шоркин, 2012: 121).

Тем не менее все ранние регуляторы человеческого поведения боролись с обманом и ложью, которые всегда признавались грехом с точки зрения всех мировых религий. И буддизм, и ислам, и христианство обещают жестоко покарать лжецов (негативные кармические последствия, пребывание в аду после смерти). Но даже в религиозном мировоззрении мы находим расслоение взглядов на феномен лжи. Бескомпромиссный буддизм осуждает ее абсолютно, признавая одним из пяти смертных грехов, который может выражаться в словах, действиях и даже молчании (Ермакова, Островская, 2004: 196). В христианстве также предполагается, что лжецы будут сурово наказаны: «Ты погубишь говорящих ложь; кровожадного и коварного гнушается Господь»; Царство Божие для лжецов недоступно: «И не войдет в него [в Небесный Иерусалим] ничто нечистое и никто преданный

мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (Аквинский, 2002). Но в той же христианской традиции признается принцип церковной икономии, который предполагает возможность вынужденной лжи с позиции церковной пользы, правда, затем верующему человеку следует искренне покаяться. Ислам в отношении лжи более снисходителен и в некоторых житейских ситуациях считает ее возможной; например, оправдана ложь во имя веры – такийя. В окружении враждебно настроенных к мусульманам людей, во имя сохранения жизни или из соображений безопасности на словах можно отрекаться от Аллаха, сохраняя верность ему в своем сердце: «Гнев Аллаха падет на тех, кто отрекся от Аллаха, а раньше верил в Него, если только он не был принужден к отречению, но [сам сохранял] в сердце приверженность к вере. [Но гнев падет на того], кто раскрыл неверию сердце. Таким и уготовано великое наказание» (Кентерберийский, 1995).

Итак, согласно религиозной версии, Бог – это истина; грехопадение – обман Бога; ложь – феномен мира дольнего, происходит от дьявола. Но эта стройность представлений нарушается признанием возможности «лжи во благо», которую допускают практически все религии мира: Бога обманывать нельзя, но во имя Бога – можно. Здесь подспудно разводятся дискурсы рассмотрения лжи как феномена, как характеристики действия и как средства достижения целей. Все последующее осмысление содержания данного понятия в культуре будет идти по пути «раскрытия» этих имплицитных смыслов (Рябинская, 2015).

Теоретическое осмысление проблемы лжи началось в античной философии. Платон заложил основы онтологического подхода в понимании лжи. Истина – это один из основных эйдосов в мире идей. Соответственно, ложь – феномен в мире вещей. Основная причина ее – незнание. Согласно Платону, ложь неприемлема для всех – для богов и для людей. Она чужда богам, так как «бог… сам не изменяется и других не вводит в заблуждение ни на словах, ни посылая знамения – ни наяву, ни во сне» (Платон, 1994: 147). Что касается людей, то они, с одной стороны, вечно стремятся к познанию истины, некогда созерцаемой в мире идей, с другой – полны заблуждений, постоянно меняющихся мнений, далеких от вечного и неизменного знания (Платон, 1994).

Платон затрагивает и этические аспекты лжи. Так, сравнивая Одиссея и Ахилла как носителей противоположных качеств лживости и правдивости, он задается вопросом о том, кто лучше, и показывает смешение этих качеств в жизни достойного человека. Философ полагал, что использовать разные стратегии поведения могут лишь искусные люди, остальные ограничены в этом умении. В этическом плане отношение Платона ко лжи неоднозначно: с одной стороны, она вредна, с другой – полезна (Мясников, 2008).

Аристотель сформировал и развил гносеологический подход в понимании лжи, который не связывает ее прочно с человеком (Аристотель, 2019). Согласно корреспондентской концепции, эталонной для классической гносеологии, истина – это знание, соответствующее действительности; ложь – его антипод, несоответствие, не-истина. Истина всегда вечна, неизменна, общезначима, а ложь временна, преходяща, связана с органами чувств человека. Чувственность способна привести индивида к ложному знанию независимо от его намерений и желаний. Различие истины и лжи, соответственно, проводится только в области познания.

В средневековой культуре был воспроизведен уже существовавший ранее в платоновской философии онтологический аспект рассмотрения истины, серьезно усиленный аксиологическим смыслом. Средневековые мыслители исходили из того, что «в сущности всего существующего есть Истина, ибо [все существующие вещи] суть то, что они суть в высшей истине» (Кентерберийский, 1995: 179). Понимание истины меняется: она в первую очередь указывает на то, что должно быть, а не на то, что было и стало. В этом смысле истина представляет собой именно свойство вещи, а не высказывания о ней. Это прежде всего соответствие образа существующей вещи ее божественному замыслу (Карабыков, 2013: 177).

Для Фомы Аквинского вещи истинны в той мере, в какой «они приобретают подобие тех образов, которые суть в Божественном уме» (Аквинский, 2002: 164). Например, в отношении человека и его веры степень истинности определялась мерой личностного уподобления Иисусу Христу.

Для христианских мыслителей истина и ложь несовместимы в принципе. Если бытие и истина тождественны, и вместе они есть Бог, то «лжец не имеет общения с Богом. Ложь от лукавого. Он и отец лжи, и сам есть ложь»[1].

Таким образом, ложь в Средневековье трактовалась как феномен мира дольнего, который вводится дьяволом. Для человека ложь – это синоним греха, обман Бога, единственного носителя истины. Статус лжи понижается до этического и связывается только с человеком.

Наделение данного понятия негативным онтологическим статусом позволяло решать этические проблемы, прежде всего, касающиеся происхождения зла. «Ложь есть грех, который по определению ведет к удалению от Бога. Зло имеет началом обман и заблуждения, поскольку никто не оставляет Бога, кроме обманутого» (Августин, 2000: 314).

[1] Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания. М., 2010. С. 141.

Новое время продолжило развивать гносеологический и этический подходы в трактовке лжи. Европейская версия о видах истины допускает мысль о сосуществовании истины и заблуждения, поскольку относительная истина включает в себя исторически обусловленные заблуждения. Ложь – ипостась истины.

И. Кант категоричен: «Ложь всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще, ибо она делает негодным к употреблению самый источник права» (Кант, 1980: 293) Правдивость есть долг, который выступает основанием всех договоренностей, поэтому никакая ложь не может быть нравственно оправдана. Таким образом, по Канту, истина связана с долгом, ложь – с нарушением прав людей. В такой трактовке последняя все еще находится в правовом поле, но философ усиливает и этический аспект ее рассмотрения. Ложь может быть непреднамеренной и не наносить вред другим, с ее помощью можно преследовать даже добрую цель, но лжец совершает преступление против самого себя (против внутреннего нравственного императива), делает презренным себя в собственных глазах (Кант, 1994: 471).

В русской культуре и философской традиции ложь, как правило, рассматривается только как аморальное деяние лгущего субъекта. Подтверждением этого тезиса является позиция В.С. Соловьева, который правдивость рассматривал как самую важную из производных, вторичных добродетелей, отличающую человека: «Животные могут быть наивны или хитры, но только человек правдив или лжив» (Соловьев, 2007: 142). В русле этого В.С. Соловьев различает лживое (сознательное, а потому «нравственно предосудительное противоречие истине») и ложное (заблуждение или ошибка) (Соловьев, 2007).

В этом же прочтении определение лжи попадает в толковые словари: ложь – намеренное искажение истины, неправда, обман[1].

Впрочем, амбивалентность русской культуры позволяет относиться ко лжи и снисходительно: она может использоваться как способ установить хорошие отношения с человеком или как средство приукрашивания себя и своей жизни, элемент самолюбования и самовозвеличивания (Знаков, 2005: 257–266; 294–295; 304–308). И здесь начинает отчетливо прорисовываться инструментальный подход к пониманию лжи.

Однако завершим анализ этического подхода в осмыслении лжи. Апогея он достигает не тогда, когда люди считают ее нравственно приемлемой и даже необходимой, а когда саму мораль объявляет ложью: «Мораль не только предполагает аморальность, мораль есть ложь по самому своему существу» (Шостром, 1992: 154).

В традиционном социуме клятва всегда рассматривалась как достаточное условие для соблюдения договора. Но по мере модернизации средневекового общества и разрыва социально-групповых связей уровень недоверия в нем возрастал. Современное общество не предполагает абсолютной откровенности людей друг с другом. Человеческие отношения полны лжи, а общение с самого детства связано с множеством условностей. Никто не считает себя обязанным говорить «всегда правду, одну только правду и ничего, кроме правды». Ложь может получить даже положительную нравственную оценку в зависимости от ситуативно-целесообразного ее применения. Врач, скрывающий смертельный диагноз, или шпион (разведчик), говорящий неправду на допросе, не называются нами лгунами. Кроме того, если человек лжет не намеренно, хотя и говорит неправду, то его нельзя назвать лжецом (Эко, 2000: 6–7).

Для наших целей важно то, что рассмотрение лжи как социального феномена формирует аксиологический и инструментальный подходы для ее анализа.

Вненравственный подход к осмыслению данного понятия мы находим у Ф. Ницше. Он связывает ложь с интеллектом и понимает ее как один из механизмов естественного отбора в эволюции человека (Ницше, 1997). Философ представляет ложь как ценность, условие жизни и свободы человека. «Мы нуждаемся во лжи, дабы одержать победу над этой реальностью, этой “истиной”, то есть чтобы жить...» (Ницше, 2006: 181). Налицо аксиологический подход в интерпретации лжи, перерастающий даже в его инструментальную версию. Ф. Ницше утверждает амбивалентность лжи: она не только зло, но и благо, которое созидает, приукрашивает и разрушает (Ницше, 1997).

Функциональность лжи подчеркивает и Н. Бердяев, говоря о социальной природе данного феномена. Мы лжем другим и себе, сознательно и бессознательно. Злая ложь порождена волей к могуществу, невинная условная – может быть условием возможности человеческого общежития (Бердяев, 1999).

В рамках строгого инструментализма лежит позиция П. Экмана, который не выделяет различий между ложью и обманом (преднамеренно или непреднамеренно). И то, и другое он определяет как действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно. Важно, что ложь всегда нарушает права обманываемого человека (Экман, 2010: 35).

---

[1] Ложь [Электронный ресурс] // Classes.ru. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова Толковый словарь русского языка. URL: https://clck.ru/3AudK6 (дата обращения: 25.05.2024).

В ценностном измерении (аксиологический подход) ложь, во-первых, становится амбивалентным явлением, а во-вторых, – вписывается в иерархию ценностей нравственной культуры. Ложь ценностно оправдывается, поскольку является необходимым инструментом сохранения устоявшегося баланса ценностей в обществе. Она обеспечивает «диалогичность» между разными уровнями системы ценностей, «амортизирует» социальные отношения (Чекушина, 2012). Ложь может связывать разные системы конкурирующих ценностей или сцеплять различные ценностные и этнокультурные ориентации в условиях максимальной динамики изменения традиционных ценностей и при наличии ценностного кризиса (Шоркин, 2012: 109).

«Утилитарность» лжи определяет ее место в системе ценностей в качестве инструментальной ценности, детальное рассмотрение которой плавно перетекает в рамки соответствующего подхода. Ложь становится средством защиты и способом достижения своих интересов и целей за счет других или вопреки желаниям других. С помощью обмана создаются временные объединения, частично решаются социальные противоречия, выигрывается конкуренция и т.д. Устанавливаются даже морально допустимые границы лжи. Не нужно лгать без действительной необходимости, следует сводить к минимуму ситуации вынужденной лжи. Все это позволит «оградить себя от лишних “откровений” со стороны окружающих» (Шалютин, 1996: 156).

В ценностно-инструментальном анализе лжи можно учитывать специфику того или иного типа общества: западная традиция учитывает объект лжи, а русская – сосредоточена на субъекте (Мозговая, Галактионова, 2013). В ментальности западного индивида ложь – одна из форм насилия над обманываемым человеком, нарушение прав личности. В русской традиции ложь – предосудительный поступок с моральной и религиозной точки зрения. Лжец расплачивается за грех душевными терзаниями.

Очевидно, тем не менее, одно: ложь глубоко укоренена в современной культуре. С одной стороны, она есть нарушение во взаимодействии людей, но, с другой – без нее невозможна не только специфически человеческая коммуникация, но и сам мир людей (Чекушина, 2012).

Так, ценностно-инструментальный подход вписывается в рамки более общих – коммуникативного и культурологического – подходов в трактовке лжи. Здесь ложь претерпевает великолепную метаморфозу: в коммуникациях возможен обман, но это не ложь. Ложь связана с человеком, обман – с институтами. Так, можно управлять массами с помощью манипуляторных технологий, но сенсационные разоблачения не всегда означают обретение правды. Изобличитель на самом деле может оказаться еще большим манипулятором, а восстановление истины – иллюзорным эффектом (Потоцкая, 2019: 50).

В социуме возможен отход (или целенаправленный увод) от истинных ценностей и знаний, но это не ложь (как в религиозном мировоззрении), а заблуждение. «Заблуждение предназначено культурой для преодоления, и человек сам способен его распознать… (стать полноценным носителем своей культуры) …, когда он уже нащупал правильный путь. В процессы … культурного развития, таким образом, с необходимостью включены культурные стратегии распознавания заблуждений» (Шоркин, 2012: 112).

«Все смешалось в доме Облонских» (из «Анны Карениной»[1])! «Смешались в кучу кони, люди…» (из «Бородино»[2])! Заблуждения, обман, манипуляции, политтехнологии, PR-технологии, реклама, имиджмейкерство, лжецы, обманутые, пострадавшие… Перед человечеством в целом и отдельными социальными структурами открылось множество перспектив развития, некоторые из которых тупиковые. Политические лидеры, уверовавшие в истинность той дороги, которая не «ведет к храму», и ведущие по ней свой народ, заблудились или обманывают людей?

Установление объема понятия лжи и его трансформации в культуре невозможно без конкретизации психологического содержания данного понятия и, соответственно, психологического подхода. Последний связывает ложь с человеком и его волевым действием: ложь как состояние сознания или фон его активной деятельности. И здесь снова начинается чехарда с понятиями-синонимами: «неправда», полуправда, «дезинформация», «вранье» и т.д.

Ложь – это умышленная передача не соответствующих действительности сведений, введение партнера в заблуждение относительно истинного положения дел. Полуправда еще не является обманом. Неправда и обман основаны на неполноте информации, которая вводит в заблуждение человека, но в обмане субъект сознательно стремится исказить истину (Знаков, 1993: 12; 14–15).

Неправда может быть и намеренной ложью, и непреднамеренным заблуждением, и продуманной фальсификацией, и лицемерием, и «правдой» предыдущего исторического этапа (Дубровский, 2010: 14).

---

[1] Толстой Л.Н. Анна Каренина. М., 2024. 800 с.

[2] Лермонтов М.Ю. Бородино // Стихотворения. М., 2004. С. 5–8.

Вранье – это незначительная, безвредная, а потому простительная ложь.

Ложь отличается от обмана и неправды: 1) сознанием ложности; 2) намерением обмануть; 3) направленностью на получение/избегание выгоды/невыгоды (Чахоян, 2015: 76).

Таким образом, можно констатировать, что единого понимания содержания, объема понятия, корней лжи сегодня нет. Ложь амбивалентна: выполняет положительные и отрицательные функции. Несмотря на моральное неодобрение, она не относится к табуированным действиям, однако лежит на границе социально дозволенного. Следует признать, что это свидетельствует не о фиаско исследований феномена лжи, а, скорее, об их неограниченных возможностях. Надеемся, что предложенная теоретическая матрица послужит интересующимся этой проблемой.

Список источников:

Августин. Творения : в 4 т. СПб. ; Киев, 2000. Т. 1: Об истинной религии. 742 с.

Аквинский Ф. Сумма теологии // Антология средневековой мысли : в 2 т. СПб., 2002. Т. 2. С. 144–184.

Александров Ю. Концептуальная ложь и объективная истина // Диалог. 2003. № 4. С. 15–18.

Аристотель. Метафизика. М., 2019. 448 с.

Бердяев Н.А. Парадокс лжи // Человек. 1999. № 2. С. 102–108.

Гусева Т.Б. Феномен лжи: представления и отношение ко лжи в юности и зрелости // Новое слово в науке: перспективы развития. 2014. № 1 (1). С. 108–111.

Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. М., 2010. 336 с.

Ермакова Т.В., Островская Е.П. Классический буддизм. СПб., 2004. 256 с.

Знаков В.В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 9–16.

Знаков В.В. Психология понимания правды. Проблемы и перспективы. М., 2005. 448 с.

Кант И. О лжи // Метафизика нравов. М., 1994. С. 471–474.

Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма. М., 1980. С. 292–297.

Карабыков А.В. Проблема лжи в трудах средневековых христианских мыслителей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 2 (22). С. 177–185.

Кентерберийский А. Об Истине // Сочинения. М., 1995. С. 167–198.

Мозговая Н.Н., Галактионова А.С. Отношение ко лжи мужчин и женщин // Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация. 2013. № 1. С. 335–337.

Мясников А.Г. Античная философия о целесообразности и вынужденном характере лжи // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2008. № 13. С. 9–14.

Ницше Ф. Об истине и лжи во внеморальном смысле // Философские науки. 1997. № 1. С. 52–63.

Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. М., 2006. Т. 13. Черновики и наброски 1887–1889 гг. 656 с.

Платон. Государство // Собрание сочинений : в 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 79–420.

Потоцкая Ю.И. Социально-аксиологический анализ феномена лжи // Вестник Харьковского национального университета. Серия: Теория культуры и философия науки. 2019. № 59. С. 47–52.

Рябинская Т.С. Феномен лжи и обмана в рамках этико-религиозного подхода // Молодой ученый. 2015. № 13 (93). С. 835–837.

Секацкий А.К. Онтология лжи. СПб., 2000. 120 с.

Симоненко С.И. Психологические основания оценки ложности и правдивости сообщений // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 78–84.

Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 2007. 150 с.

Фрай О. Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи. СПб., 2006. 284 с.

Чахоян А.С. Понятие лжи: дифференциальная диагностика // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 2. С. 74–79.

Чекушкина Е.Н. Феномен лжи (обмана): философско-этический анализ // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. № 7. С. 26–34.

Шалютин Б. Человек лгущий // Человек. 1996. № 5. С. 151–159.

Шоркин А.Д. Культурология лжи // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2012. Т. 25, № 1-2 (24). С. 102–122.

Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. Минск ; М., 1992. 127 с.

Экман П. Психология лжи: обмани меня, если сможешь. М., 2010. 302 с.

Эко У. Пять эссе на тему этики. СПб., 2000. 96 с.

References:

Akvinskii, F. (2002) Summa teologii [Sum of theology]. In: *Antologiya srednevekovoi mysli*. Vol. 2. St. Petersburg, pp. 144–184. (In Russian)

Aleksandrov, Yu. (2003) Kontseptual'naya lozh' i ob"ektivnaya istina [Conceptual lies and objective truth]. *Dialog.* (4), 15–18. (In Russian)

Aristotel (2019) *Metafizika* [*Metaphysics*]. Moscow. 448 p. (In Russian)

Avgustin (2000) *Tvoreniya : v 4 t. T. 1: Ob istinnoi religii* [*Creations : in 4 volumes. Vol. 1: On true religion*]. St. Petersburg ; Kiev. 742 p. (In Russian)

Berdyaev, N. A. (1999) Paradoks lzhi [The paradox of lies]. *Chelovek*. (2), 102–108. (In Russian)

Chakhoyan, A. S. (2015) Ponyatie lzhi: differentsial'naya diagnostika [The concept of lying: differential diagnosis]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*. 8 (2), 74–79. (In Russian)

Chekushkina, E. N. (2012) Fenomen lzhi (obmana): filosofsko-eticheskii analiz [The phenomenon of lies (deception): philosophical and ethical analysis]. *Alma mater* (*Vestnik vysshei shkoly*). (7), 26–34. (In Russian)

Dubrovskii, D. I. (2010) *Obman. Filosofsko-psikhologicheskii analiz* [*Deception. Philosophical and psychological analysis*]. Moscow. 336 p. (In Russian)

Ekman, P. (2010) *Psikhologiya lzhi: obmani menya, esli smozhesh'* [*Psychology of lies: deceive me if you can*]. Moscow. 302 p. (In Russian)

Eko, U. (2000) *Pyat' esse na temu etiki* [*Five essays on ethics*]. St. Petersburg. 96 p. (In Russian)

Ermakova, T. V. & Ostrovskaya, E. P. (2004) *Klassicheskii buddizm* [*Classical Buddhism*]. St. Petersburg. 256 p. (In Russian)

Frai, O. (2006) *Lozh'. Tri sposoba vyyavleniya. Kak chitat' mysli lzhetsa, kak obmanut' detektor lzhi* [*Lies. Three ways to identify. How to read a liar's mind, how to cheat a lie detector*]. St. Petersburg. 284 p. (In Russian)

Guseva, T. B. (2014) Fenomen lzhi: predstavleniya i otnoshenie ko lzhi v yunosti i zrelosti [The phenomenon of lies: representations and attitudes to lies in youth and adulthood]. *Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya*. (1 (1)), 108–111. (In Russian)

Kant, I. (1980) O mnimom prave lgat' iz chelovekolyubiya [About the imaginary right to lie out of humanity]. In: *Traktaty i pis'ma*. Moscow, pp. 292–297. (In Russian)

Kant, I. (1994) O lzhi [On lies]. In: *Metafizika nravov*. Moscow, pp. 471–474. (In Russian)

Karabykov, A. V. (2013) The Problem of Lie in Works of Christian Medieval Thinkers. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* (2 (22)), 177–185. (In Russian)

Kenterberiiskii, A. (1995) Ob Istine [On The Truth]. In: *Sochineniya*. Moscow, pp. 167–198. (In Russian)

Mozgovaya, N. N. & Galaktionova, A. S. (2013) Otnoshenie ko lzhi muzhchin i zhenshchin [Attitude to lies of men and women]. In: *Lichnost' v kul'ture i obrazovanii: psikhologicheskoe soprovozhdenie, razvitie, sotsializatsiya*. (1), 335–337. (In Russian)

Myasnikov, A. G. (2008) Antichnaya filosofiya o tselesoobraznosti i vynuzhdennom kharaktere lzhi [Ancient philosophy on expediency and the forced nature of lies]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*. (13), 9–14. (In Russian)

Nitsshe, F. (1997) Ob istine i lzhi vo vnemoral'nom smysle [About truth and lies in an extra-moral sense]. *Russian Journal of Philosophical Sciences.* (1), 52–63. (In Russian)

Nitsshe, F. (2006) *Polnoe sobranie sochinenii : v 13 t. T. 13. Chernoviki i nabroski 1887–1889 gg*. [*Complete works : in 13 volumes. Vol. 13. Drafts and sketches 1887–1889*]. Moscow. 656 p. (In Russian)

Platon (1994) Gosudarstvo [State]. In: *Sobranie sochinenii*. Vol. 3. Moscow, pp. 79–420. (In Russian)

Pototskaya, Yu. I. (2019) Sotsial'no-aksiologicheskii analiz fenomena lzhi [Socio-axiological analysis of the phenomenon of lies]. *Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta. Seriya: Teoriya kul'tury i filosofiya nauki*. (59), 47–52. (In Russian)

Ryabinskaya, T. S. (2015) Fenomen lzhi i obmana v ramkakh etiko-religioznogo podkhoda [The phenomenon of lies and deception within the framework of an ethical and religious approach]. *Molodoi uchenyi*. (13 (93)), 835–837. (In Russian)

Sekatskii, A. K. (2000) *Ontologiya lzhi* [*The ontology of lies*]. St. Petersburg. 120 p. (In Russian)

Shalyutin, B. (1996) Chelovek lgushchii [A man who lies]. *Chelovek*. (5), 151–159. (In Russian)

Shorkin, A. D. (2012) The Culturology of Lie. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya*. (1-2), 102–122. (In Russian)

Shostrom, E. (1992) *Anti-Karnegi, ili Chelovek-manipulyator* [*The Anti-Carnegie, or the Manipulative Man*]. Minsk ; Moscow. 127 p. (In Russian)

Simonenko, S. I. (1998) Psikhologicheskie osnovaniya otsenki lozhnosti i pravdivosti soobshchenii [Psychological grounds for assessing the falsity and truthfulness of messages]. *Voprosy psikhologii*. (3), 78–84. (In Russian)

Solov'ev, V. S. (2007) *Opravdanie dobra* [*Justification of goodness*]. Moscow. 150 p. (In Russian)

Znakov, V. V. (1993) Nepravda, lozh' i obman kak problemy psikhologii ponimaniya [Untruth, lies and deception as problems of psychology of understanding]. *Voprosy psikhologii*. (2), 9–16. (In Russian)

Znakov, V. V. (2005) *Psikhologiya ponimaniya pravdy. Problemy i perspektivy* [*Psychology of understanding the truth. Problems and prospects*]. Moscow. 448 p. (In Russian)

Информация об авторах

И.М. Лаврухина – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Азово-Черноморского инженерного института − филиала Донского государственного аграрного университета в г. Зернограде, Зерноград, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=364006

Т.Н. Воронцова – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин Донского государственного аграрного университета, Персиановка, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=620043

Вклад авторов:

И.М. Лаврухина – концепция исследования, построение методологии, написание исходного текста, итоговые выводы.

Т.Н. Воронцова – подбор литературы, доработка текста исследования.

Конфликт интересов:
авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

I.M. Lavrukhina – D.Phil. in Philosophy, Professor, Professor at the Department of Humanities and Foreign Languages, Azov-Black Sea Engineering Institute – branch of Don State Agrarian University in Zernograd, Zernograd, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=364006

T.N. Vorontsova – PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Foreign Languages and Social and Humanitarian Disciplines, Don State Agrarian University, Persianovsky village, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=620043

Contribution of the authors:

I.M. Lavrukhina – research concept, methodology construction, source text writing, final conclusions.

T.N. Vorontsova – selection of literature, revision of the research text.

Conflicts of interests:
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.04.2024;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 22.05.2024;
Принята к публикации / Accepted for publication 18.06.2024.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.